

Об объективном освещении военной истории России

М. А. Гареев*

22 июня 2001 г., в 60-ю годовщину начала Великой Отечественной войны, Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал, что мы будем защищать правду об этой войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду, унижить и оскорбить память тех, кто пал. В выступлении 9 мая 2006 г. и в Послании Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. В. В. Путин еще раз подчеркнул нетленность памяти о Великой Победе и необходимость извлечения уроков из опыта Великой Отечественной войны. На заседаниях Российского Оргкомитета «Победа» обращалось внимание на необходимость более активного противостояния фальсификации истории второй мировой войны и дискредитации Победы, которые приняли в последнее время беспрецедентные масштабы. С учетом всего этого возникает необходимость активизации нашей деятельности по реализации задач, поставленных Президентом РФ, и решений Российского Оргкомитета «Победа».

В целом в этой области проводится большая работа. У ветеранов войны и большинства российских граждан вызывает удовлетворение то обстоятельство, что удалось достойно и в широком масштабе отметить 60-летие и 65-летие Победы над нацистской Германией. Прибытие в 2005 г. в Москву на празднование Дня Победы глав более 50 и государств явилось еще одним актом признания решающего вклада нашей страны в достижение Победы. Этот факт имеет огромное историческое значение¹.

В органах управления, вузах, войсках и флотах Министерства обороны (МО), в структурах Министерства внутренних дел (МВД) и Федеральной службы безопасности России (ФСБ), в Министерстве иностранных дел (МИД) и в других государственных ведомствах, в исторических институтах РАН, в Институте военной истории МО, в Академии военных наук, в ветеранских организациях Москвы, в регионах России проводятся научные конференции, посвященные истории Великой Отечественной войны.

Для отстаивания правды о войне и патриотического воспитания молодежи особое значение имеют выступления ветеранов войны в различных аудиториях и встречах. Издаются новые добротные книги, статьи в газетах и журналах, среди которых можно отметить «Красную Звезду», «Ветеран», «Военно-исторический журнал», «Военно-промышленный курьер», «Независимое военное обозрение», «Новую и новейшую историю».

Заслуживают внимания такие фундаментальные труды, как «Мировые войны XX века»², (издание подготовлено Институтом всеобщей истории РАН); военно-исторические очерки «Великая Отечественная война 1941–1945»³ и очерки о командармах и командирах корпусов, подготовленные Институтом военной истории МО; Документы внешней политики России, издаваемые МИД РФ; сборник документов «Органы госбезопасности в Великой Отечественной войне»⁴; «Очерки истории российской внешней разведки»⁵; серия «Русский архив»⁶ и др. Полезную работу проводит координационный совет по военно-историческим вопросам, возглавляемый генерал-полковником А. С. Скворцовым. Есть и некоторые другие достижения.

Однако надо признать, что положение дел в области истории Великой Отечественной войны вообще, и в отечественной военной истории в частности, нельзя оценить как благополучное. Мы не можем не видеть, что искажается не только история Великой Отечественной войны. Попытки дискредитации Великой Победы и придания этому процессу исторической опоры сочетаются с пересмотром всей отечественной истории.

Ставятся под сомнение заслуги Александра Невского, победа Дмитрия Донского на Куликовом поле. Объявляются «реакционерами» Минин и Пожарский, поскольку, оказывается, они еще 400 лет назад сорвали возможность присоединения России к Западу. Последующее противодействие России иноземной экспансии — это де «реакция», «ряд ошибок», в част-

* Махмут Ахметович Гареев — советский и российский военный деятель, военачальник, генерал армии в отставке, доктор военных и доктор исторических наук, профессор.

ности во время Великой Отечественной войны. Восхваляется гатчинская военная школа Павла I, которая якобы стояла выше суворовской науки побеждать.

Появилось много сенсационных и легковесных суждений об Отечественной войне 1812 г., Крымской, русско-японской, первой мировой войнах. В сугубо негативном плане изображается весь советский период истории Отечества. Присоединение США и Великобритании во время второй мировой войны к антигитлеровской коалиции объявляется ошибкой, а победа над фашизмом — чуть ли не злом. Популярная молодежная газета 22 июня, в день памяти и скорби, писала: «Нет, мы не победили. Или так: победили, но проиграли. А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер — Сталина? Мы освободили Германию, может, лучше бы освободили нас?»⁷.

В. В. Путин подчеркнул, что распад Советского Союза стал крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия. С этим тезисом не согласен директор Московского центра Карнеги Э. Качинс. «Для Запада, — считает он, — крах СССР... Означал величайший триумф XX века... Отказ от суверенитета ради безопасности является признаком Европы эпохи постмодерна, будучи сегодня основополагающим принципом Евросоюза»⁸. Все страны и народы, согласно этой точке зрения, должны жить под эгидой одной сверхдержавы. Вот такая историческая концепция и «национальная идея» навязывается сегодня России.

В дни, когда исполняется 70 лет после начала Великой Отечественной войны, есть смысл задуматься над тем, почему все это происходит?

Почему переиначивается наша история?

Понятно, что для оправдания такой концепции нужна переиначенная история, которая призвана внушить людям, что, если в прошлом у России ничего кроме поражений и позора не было, она не может рассчитывать ни на что путное ни сегодня, ни в будущем. Причем эта информационная диверсия осуществляется под предлогом поиска «правды» о войне. Но вместо правды плодятся ложь и новые мифы.

Нашу страну обвиняют и в сговоре с гитлеровской Германией в 1939 г., хотя до советско-германских соглашений 1939 г. был Мюнхенский договор; прибалтийские страны и Польша заключили с Германией различного рода пакты и соглашения, в частности секретные.

Советский Союз объявляют виновником и зачинщиком второй мировой войны. Извращаются подлинные причины наших неудач в начале Великой Отечественной войны. Возникают новые «версии»: например, по мнению Г. Х. Попова, Курской битвы как таковой не было, так как после высадки союзников на Сицилии Гитлер увел все свои танковые дивизии на запад. Даже выдающиеся наступательные операции 1944–1945 гг., в частности, Берлинская, объявляются

бездарными, а отечественное вооружение и военное искусство — никудашними⁹.

Приводятся надуманные данные о наших военных и гражданских потерях во время войны. Называются числа и 40, и 50, и 60 млн чел. — кому сколько заблагорассудится.

В переломные периоды исторического развития всегда возникало обостренное внимание к прошлым событиям, стремление толковать их с учетом нового видения и приспособления к потребностям решения назревших социально-политических проблем. В свое время даже говорили, что история — это политика, опрокинутая в прошлое.

Во всяком случае, крупные историки не только описывали прошлое, но и стремились делать выводы из прошлого, извлекать уроки из истории, необходимые для современности и для будущего, размышлять о судьбах Отечества, о задачах государства, формировать историческое сознание граждан. Например, Н. М. Карамзин в знаменитой «Истории государства российского» ставил целью раскрыть смысл русской истории, роль России в мировой истории, подводя все к единению церкви и государства, бога и царя, в целом к единению России, которое спасало ее в наиболее трудные годы. Но жизнь скорректировала заветы даже такого умнейшего историка: идеи незыблемости самодержавия или крепостничества не могли существовать вечно, но идеи единения России будут востребованы всегда.

Карамзин оставил нам и другие полезные советы, к которым не грех прислушаться и в настоящее время. «Историк, — писал Карамзин, — должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, исказить факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствие; он должен быть, прежде всего, правдив, но может, даже должен, все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом»¹⁰.

Что-то оказалось жизненным, а что-то безвозвратно ушло в небытие и из наследия других известных историков — С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и других.

Не во всем жизненным оказался и марксистский сугубо классовый подход к историческим событиям, а «прямолинейная» школа М. Н. Покровского только дискредитировала историю как науку.

Все это говорит о том, что, с одной стороны, ни один историк не может исследовать прошлое в полном отрыве от интересов общества, в котором он живет. С другой стороны, очевидно и то, что излишняя идеологизация и политизация исторической науки, как правило, не могут поколебать фундамент этой науки, основанный на объективных фактах и логике исторических событий.

Иногда ставится вопрос: можно ли и нужно ли «переписывать» историю? Переписывать по конъю-

юнктурным политическим соображениям — это дело бесплодное: другие опять переписут. Но когда появляются новые источники, факты, доказательства, безусловно, что-то приходится уточнять. Например, рано или поздно придется корректировать некоторые выводы, относящиеся к Крымской, русско-японской, первой мировой или гражданской войнам в России.

В 2005 г. во время пребывания российской делегации ветеранов войны в Китае, в Порт-Артуре местные власти настойчиво рекомендовали нам не посещать кладбища, где похоронены русские воины, погибшие в русско-японской войне 1904–1905 гг. Как сказали местные жители, это кладбище находится в запущенном состоянии. Мэр г. Далянь пытался объяснить не ухоженность русских воинских захоронений тем, что царская Россия была империалистическим государством и осуществляла экспансию против Китая. Это обычный классовый подход, который не всегда объективно объясняет исторические события. Как показал последующий ход истории, национальные геополитические интересы России и Китая уже тогда требовали совместного противодействия японской агрессии. Даже при неудачном для России исходе войны, Япония по Портсмутскому мирному договору должна была уйти из Северо-Восточного Китая.

События 1930-х–1940-х годов лишь подтвердили необходимость активного участия нашей страны в дальневосточных делах. Как оказалось в последующем, политика США, Великобритании и других стран, способствовавших (финансами и вооружением) росту военного могущества Японии, обернулась, в конечном счете (особенно наглядно это видно на примере Перл-Харбора), против этих же государств. По настойчивой просьбе союзников, Советский Союз в августе 1945 г. вступил в войну против Японии.

Да и в 1904–1905 гг. Россия проиграла отдельные сражения, но войну в целом она бы не проиграла и была бы даже способна успешно завершить ее. Однако в силу ряда субъективных и объективных причин, обострения революционной ситуации в стране, Россия была вынуждена выйти из войны¹¹.

Нельзя бросаться из одной крайности в другую и в освещении истории гражданской войны. Когда ставили памятник адмиралу А. В. Колчаку в Иркутске или занимались перезахоронением генерала А. И. Деникина в Москве, в речах организаторов этих мероприятий звучали нотки какой-то нашей виновности перед ними. Едва ли это справедливо. Еще до октября 1917 г., свергнув царя и изменив присяге, «русскую смуту» затеяли именно такие генералы, как Деникин (в марте 1917 г. он был назначен начальником штаба Ставки), и «демократы» типа Керенского. Красные командиры Фрунзе, Буденный, Чапаев сражались не только против белых и за советскую власть, но и, не на словах, а на деле — за «единую неделимую Россию» против иностранных интервентов, стремившихся расчленивать нашу страну. Генерал Деникин, адмирал Колчак и их белые сподвижники, по существу, вое-

вали в одном лагере с интервентами. Но независимо от того, кто и где сражался, — это были наши соотечественники. Солдаты и офицеры, белые и красные, выполняли свой воинский долг — так, как они его тогда понимали.

С точки зрения историографии, необходимо объективно, критически рассматривать и советский период, но неправомерно только «чернить» или вообще «перечеркивать» его. Заместитель руководителя администрации Президента РФ, помощник Президента РФ В. Ю. Сурков, выступая перед активистами «Единой России» 7 февраля 2006 г., говорил: «Ни в какой мере Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения: это все наши ближайшие родственники, это все фактически мы сами... Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало сделали сами»¹². Это все — часть нашей общей истории. При описании советского периода некоторые авторы забывают о том, что, несмотря на все репрессии, притеснения и бедствия, народ не только продолжал жить, творить, но являлся и хранителем устоев духовной жизни, ее патриотических традиций.

Зарубежные историки признают вклад советских ученых в мировую историографию в том отношении, что советская наука отошла от традиции, когда вся история сводилась к описанию деятельности царей, полководцев, верхушки общества, и впервые серьезно занялась изучением деятельности народных масс, революционного и народно-освободительного движения. Это дало более полную и объективную картину исторического развития. Правда, кое-кто сегодня и от этого наследия начинает отходить. В Академии Генштаба ВС РФ выпущена книга «Стратегия духа», где, например, Емельян Пугачев, как и в царские времена, изображен как бродяга и бандит, где не говорится ни слова о том, что заставило казаков и крестьян поднять восстание.

Выдающиеся мыслители России отрицательно относились к нигилистическому подходу к отечественной истории. Л. Н. Толстой критиковал одностронность исследований истории С. М. Соловьевым, принижение им роли народа, который не только управлялся сменявшимися друг друга государями, но и созидал, жил своей жизнью. Такой подход, по мнению великого писателя, не давал историку постигнуть главную суть и самую тайну истории. «Читаю историю Соловьева, — писал Толстой. — Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, грубость, глупость, неумение ничего сделать... Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство? Но, кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли?»¹³.

Что касается советской историографии, в ее адрес много нелепых наветов, необоснованных обвинений, но немало и справедливых нареканий. В советской историографии были не только ошибки или необоснованные суждения, а просто произвол, когда история писалась или переписывалась в угоду тем или иным находившимся у власти политикам и военачальникам. Отсюда, как всегда, меткая реакция народа: «Воевал ли ты на Малой земле или отсиживался в окопах Сталинграда?»; «Великая Отечественная война — это эпизод в битве за Малую землю».

В одном из многотомных изданий истории Великой Отечественной войны 12 раз упоминался начальник Генерального штаба германских сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер и ни разу — наш начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков, как будто его совсем не было на этой войне. А чего стоят хрущевские басни о том, что де Сталин управлял военными операциями по глобусу?

Обо всем этом приходится лишний раз напоминать потому, что все еще живут и продолжают действовать те люди, которые раньше порождали неблагоприятные дела, а теперь их продолжают оправдывать. Но есть и другие — те, кто разрушает теперь то, что сами же прежде создавали.

В наше сложное время особенно важно возрождение правдивого и уважительного отношения к отечественной истории. Следуя советам П. Я. Чаадаева и Ф. М. Достоевского, можно не идеализировать старину, но вместе с тем нельзя забывать пушкинские слова о том, что «уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости. Гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно»¹⁴.

Порою дело изображают таким образом, что мы — ветераны войны или историки, стоящие на объективных позициях, возмущаемся по поводу фальсификаций истории только из-за того, что мы «лакируем» историю и не хотим видеть негативные стороны и события войны.

Но дело не в этом. Просто невозможно согласиться с заведомой ложью и фальсификацией истории, выхватыванием отдельных угодных авторам фактов¹⁵.

Международный фонд «Демократия» под руководством академика А. Н. Яковлева издал сборник важнейших документов за 1941 год¹⁶. В предисловии к первой книге сказано, что никакой внезапности в начале войны не было, И. В. Сталин имел точные данные о готовящемся нападении, но преступно ими пренебрег. Но научной историографии для тех, кто все же хочет по-настоящему разобраться в прошлых событиях и дойти до истины, такого объяснения недостаточно. Все равно остается вопрос: почему так поступил Сталин? Ведь, несмотря на все свои ошибки, он не был врагом своей страны, не хотел ее поражения, что подтверждается последующей его деятельностью в ходе всей войны.

Это говорится не для оправдания Сталина. Оправдать все это невозможно. Просто обстановка накануне войны была значительно сложнее, чем это иногда изображается, шли разведанные и документы не только о возможном нападении, но и о том, что это провокационные слухи, дезинформационные сведения. Но о таких документах в сборнике фонда «Демократия», как и в ряде других книг¹⁷, не упоминается. Однобокий подбор только угодных авторам фактов искажает историю. Полпред СССР в Лондоне И. М. Майский накануне войны сообщал в Москву подробные сведения о военных приготовлениях Германии и в конце донесения делал вывод, что Гитлер сможет напасть на СССР только после того, как покончит с Англией. Начальник Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии Ф. И. Голиков и нарком внутренних дел Л. П. Берия представляли Сталину доклады о развертывании германских вооруженных сил у наших границ и завершали их выводами о дезинформационном характере этих сведений. Назывались сроки гитлеровского нападения: 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня. Сроки проходили, а нападения не было. Много поступало и другой противоречивой информации. Но сегодня иногда судят об этих противоречивых явлениях чрезмерно упрощенно и в отрыве от того, что происходило в действительности.

Это неправда, когда самый трудный для нас 1941 год изображается как сплошное паническое бегство, когда будто бы войска, побросав танки и другое вооружение, целыми соединениями сдавались в плен. Были и тяжелые отступления, и паника, и массовая сдача в плен, но многие соединения и в 1941 г., и в 1942 г. самоотверженно сражались, наносили контрудары, выходили из окружения. Неожиданное для противника упорное сопротивление наших войск было вынуждено признать и германское командование. Без упорного сопротивления невозможно было бы обескровить, остановить врага и перейти в наступление под Москвой, Сталинградом и Ленинградом.

Не может быть, чтобы гитлеровское командование и германские войска все правильно делали, воевали отменно и вдруг потерпели поражение. А мы все делали неправильно, бездарно воевали и вдруг каким-то чудом победили.

В историческом плане, победой или поражением окончилась война, определяется, прежде всего, тем, какие цели преследовали воюющие стороны и были ли эти цели достигнуты. Нацистская Германия стремилась поработить наши и другие народы, установить мировое господство. Советское государство имело целью защитить и освободить свои и другие народы, сокрушить фашизм в Европе. Как известно, планы Гитлера кончились полным провалом, а наша страна и ее Вооруженные Силы выполнили свою историческую миссию. И не фашисты пришли в Ленинград, Москву или Лондон, а Советская Армия и ее союзники пришли в Берлин, Рим и Токио.

Разговоры о том, что мы завалили противника трупами своих солдат, тоже не состоятельны. Наши военные потери по отношению к германским составили 1,3:1 и то в основном за счет истребления более 2 млн наших военнопленных в нацистских лагерях. Неисторичными являются и заявления о том, что народ победил вопреки сталинскому руководству. Во-первых, не то, что вопреки, а без ведома Сталина ни один вопрос не решался и не мог решаться. Во-вторых, почему этот же народ не только не одержал побед, но и потерпел поражение в Крымской, русско-японской или первой мировой войне? Ни один самый самоотверженный народ без твердого руководства, без руля и ветрил не может не только одержать победу, но и просто действовать организованно.

Пересмотр итогов второй мировой войны, попытки принизить значение Победы над фашизмом, решающую роль нашей страны в достижении Победы, начали давать о себе знать сразу после войны (тогда в основном за рубежом). В деле извращения истории войны свою негативную роль сыграл и Н. С. Хрущев. Но в последующем объективная история была в основном восстановлена. Тогда на более или менее объективных позициях стояли все государственные средства массовой информации (СМИ), театры, кино, большинство историков, практически все общество. Только диссиденты выступали с противоположных позиций.

Начиная со времен перестройки и особенно в последние годы все перевернулось вверх дном. Большинство СМИ, литература, школьные и вузовские учебники и особенно телевидение почти полностью переключились на искажение важнейших событий и пересмотр итогов второй мировой войны в целом. Отстаивать подлинную правду о войне становится все труднее. Журналист, называющий себя историком, может месяцами вещать по телевидению, рассказывая всякого рода выдумки о войне. Настоящие историки или ветераны войны почти лишены возможности выступить в СМИ, сказать свое слово. Книги В. Суворова (Резуна) и других фальсификаторов издаются миллионными тиражами. Западные спонсоры и отечественные издательства этому способствуют. Выход в свет же, и тем более распространение честных книг о войне крайне затруднительно, прежде всего, по финансовым причинам.

Отчего это происходит? Оглядываясь в прошлое, нетрудно заметить, что по различным, как объективным, так и субъективным, причинам после Отечественной войны 1812 г. военная история России складывалась не лучшим образом. Достаточно вспомнить поражения в Крымской 1853–1856 гг., русско-японской 1904–1905 гг. войнах, неудачах в первой мировой войне 1914–1918 гг. В 1945 г., впервые за сто с лишним лет, была одержана величайшая за всю отечественную историю победа — Победа над гитлеровской Германией — сильнейшим в военном отношении государ-

ством, покорившим до этого многие европейские страны, в том числе и Францию, и претендовавшим на завоевание в недалеком будущем мирового господства. При этом следует учитывать, что антисоветская составляющая идеологии фашизма имела немало сторонников среди влиятельных политических, финансовых, промышленных и военных кругов не только Германии, но и других западных держав, стремившихся «канализировать» агрессивные устремления Гитлера на Восток и его руками расправиться с «общим врагом» — Советским Союзом. Однако история рассудила иначе, и западным державам, чтобы спасти себя, отстаивать свою независимость, пришлось совместно с СССР противостоять гигантской военной машине агрессора, участвовать в ее разгроме, причем играя в этом процессе второстепенную роль. Именно эти обстоятельства до сих пор и выводят из себя тех, кто не хотел триумфа СССР, его Вооруженных Сил, кто желал им поражения.

Известны высокие оценки усилий советского народа и его Вооруженных Сил во второй мировой войне, высказанные Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем, Ш. де Голлем, другими видными политическими и военными деятелями¹⁸. В то же время, существовали и существуют влиятельные круги, особенно за рубежом, которые такие оценки не устраивают. Генеральная Ассамблея ООН призвала все страны достойно отметить День Победы во второй мировой войне как день примирения между народами. Однако около ста депутатов Европарламента подписали обращение к главам государств мира не праздновать его в Москве 9 мая. Ясно, что для зарубежных недоброжелателей нашей страны признание всемирно исторического значения Победы означает признание и решающей роли СССР в ее достижении. А это, в свою очередь, предполагает неизбежность итогов второй мировой войны и требует соответствующего места России как правопреемницы СССР в Европе и мире, что больше всего не устраивает тех, кто пытается сегодня определять судьбы человечества. Но все же и на Западе люди должны сделать для себя вывод: хорошо это или плохо, что народы антигитлеровской коалиции при активном участии антинацистов Германии разгромили фашизм в 1945 году. И если будет решено, что одержанная Победа — благо, то тогда не останется и никаких сомнений, как к ней относиться, как оценивать те или иные события минувшей войны.

Что же касается своих, доморощенных «новопротченцев» истории Великой Отечественной войны, то они, стремясь в своей ангажированности перечеркнуть весь советский период истории, считают, что память о Победе, преклонение перед ней — последний плацдарм, который еще удерживают «консерваторы». Этот плацдарм «новопротченцы» пытаются ликвидировать.

Многие небылицы, сплетни, клеветнические наветы на советских полководцев, особенно на Г. К. Жукова, разоблачены, на неопровержимых фак-

тах показана их несостоятельность. Тем не менее, их продолжают тиражировать. За последние 10–15 лет не показано ни одного нового фильма (кроме некоторых старых, таких как «Горячий снег» или документальный фильм «Мифы и факты»), где бы правдиво и доброжелательно по отношению к участникам войны отображалась ее история.

60-летие Курской битвы газета «Известия» озаглавила «сенсационным» сообщением: оказывается, немцы в знаменитом Прохоровском сражении потеряли 5 танков, а советские войска — 334¹⁹. Возникает резонный вопрос: почему же тогда гитлеровцы, вместо того чтобы наступать, стали отходить, а Красная Армия, преследуя врага, вышла к Днепру и с ходу форсировала его?

Переходит, например, с экрана на экран рассказ о том, будто бы Жуков сказал Эйзенхауэру, что мы во время войны специально посылали пехоту на противотанковые поля противника, чтобы она своими телами проделала проходы для танков (пехотные мины для танков не помеха). Но ведь известно, что для подрыва противотанковой мины нужно давление весом не менее 200–250 кг и пехотинец, наступая на противотанковую мину, не мог ее подорвать.

Не менее десятка писателей и историков написали о том, что Ленинград не надо было оборонять, а следовало бы сдать его. Но известен приказ Гитлера от 18 сентября 1941 г.: «капитуляцию Ленинграда и Москвы не принимать, даже если она будет предложена»²⁰. Обороняя эти города, несмотря на огромные лишения, мы сохранили и войска и большую часть населения, а в случае сдачи они были бы полностью уничтожены.

Группа российских и немецких историков и литераторов выпустила сборник статей о второй мировой войне²¹. В нем приводится справедливое высказывание бывшего президента ФРГ Р. фон Вайцекера: «И тем не менее с каждым днем становилось все яснее то, что мы сегодня должны высказать все вместе: 8 мая было днем освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистического деспотизма». Но в книге пишется и об оккупации Советской Армией Польши, Венгрии, Прибалтийских стран. Почему для одних — освобождение, для других — оккупация, если цель нашей армии состояла в изгнании фашистских оккупантов с территории этих стран?

Если бы страны Прибалтики в 1940 г. не были в составе СССР, их бы Гитлер заставил воевать на стороне Германии и они оказались бы в стане побежденных со всеми вытекающими отсюда последствиями. По крайней мере, Литва сегодня не владела бы ни Вильнюсом, ни Клайпедой. Гросс-адмирал К. Дениц в конце войны заявил, что германский вермахт сражался «героически», «с честью», «изо всех сил», неся большие жертвы, всегда оставаясь верной военной присяге, а «результаты его военных действий неизбежны»²². В таком духе пишут о вермахте и совре-

менные авторы, в частности и отечественные. А про армию, которая сокрушила этот вермахт, говорят, что она воевала бездарно и чуть ли не проиграла войну.

Один из авторов сборника «Память о войне 60 лет спустя» историк В. Ветте (ФРГ) отмечает: «Германский вермахт, конечно, проиграл вторую мировую войну, зато добился победы после 1945 года, а именно в борьбе за представление о себе в глазах общественности — немецкой и международной»²³. Американцы после войны засадили гитлеровских генералов писать мемуары, обобщать опыт войны. Эта литература распространялась по всему миру, формировала общественное мнение.

Американский историк Дж. Най растолковывает нам, что «в информационный век побеждает тот, чья история убедительнее, чья история способна привлекать людей»²⁴.

Убедительность нашей истории в правде объективных исторических фактов. Но ее пытаются извратить, сделать непривлекательной.

Крайности в изучении истории Великой Отечественной войны

В изучении и освещении истории войны в последние годы, на мой взгляд, образовались две крайности. Одни авторы, иногда вроде бы из добрых патриотических побуждений, не признают критического рассмотрения событий и действий тех или иных личностей. Но ведь еще Сталин говорил в 1945 г., что и у советского правительства были просчеты и ошибки, моменты отчаянного положения. Однако сейчас некоторые редакции газет и журналов, да и, увы, ветераны войны, этого не хотят слышать. Но при таком подходе нам просто не будут верить, а главное — без объективного критического анализа прошлых событий невозможно извлечь должных уроков, сделать выводы для современной деятельности. Но ничего не стоит литература и историческая наука, если она любую историческую личность, любые события не будет рассматривать объективно и критически. Когда нигилисты, занимающиеся ниспровержением нашей Победы, твердят только о наших неудачах, потерях, об отступлении до Москвы и Волги, при этом «забывая» чем кончилась война, что мы пришли в Берлин, то это тоже искажает правду о войне.

Или когда мы в пылу патриотических чувств, рассказывая о таком необычайном подвиге руководителей и народа, как эвакуация в тыл 2500 промышленных предприятий и организации производства в новых районах, полагаем возможным умолчать о таких острых вопросах: почему так произошло, что в самый ответственный период, когда идет война, войска несут потери и нужно их снабжать оружием, боеприпасами, другими материальными средствами, именно в это время все демонтируется и откатывается на Восток. Как же мы планировали вести войну? Если мы будем от таких вопросов уходить, то наши позиции тоже будут уязвимы.

Как писал поэт Александр Твардовский, «нам только правда ко двору». Стремление оправдывать все, что было во время войны, изображая даже начало войны как сплошные победы, ни к чему хорошему привести не могут и в конечном счете льют воду не на нашу мельницу. Такая история не будет принята обществом, да и ветеранами войны. У нас есть достойная история со всеми ее великими достижениями, неудачами и огорчениями. Такую историю мы будем отстаивать.

Однако духовным основам Российского государства, его достоинству в настоящем и будущем наибольшую угрозу представляет ультралиберальный исторический нигилизм, когда опошляется и дискредитируется вся история Отечества и в первую очередь история Великой Отечественной войны. При таком подходе вся история войны изображается как сплошная цепь безобразий и преступлений. Доходит даже до утверждений о том, что это была позорная война, в которой мы потерпели поражение²⁵.

Ко Дню Победы были изданы и широко распространяются такие оскорбляющие чувства ветеранов произведения, как «Беру свои слова обратно» В. Суворова (Резуна)²⁶, «Отцы-командиры» А. З. Лебединцева и Ю. И. Мухина²⁷, «Десять сталинских ударов» В. В. Бешанова²⁸, легковесные книги Б. В. Соколова²⁹, «Походно-полевые жены» Олега и Ольги Грейг³⁰. Последняя книга — характерный пример издания, в котором авторы придумывают небывшие или собирают сплетни. Авторы пересказывают, например, разговоры Г. К. Жукова с теми или иными историческими лицами, но нигде нет ссылок, откуда все это взято, чем авторы могут подтвердить то или иное высказывание. Для людей, знающих подлинную фронтовую жизнь, обстановку того времени, совершенно очевидна и надуманность многого из того, о чем пишут авторы. Из этой же серии монография Б. Н. Красильникова под характерным названием «Разгром Советского Союза»³¹.

Основной недостаток многих современных книг на историческую тему состоит в том, что они основываются не на объективном анализе и сопоставлении различных событий, фактов, свидетельств. Чаще всего, заранее намечается определенная ангажированная версия, и на нее нанизывается все то, что подтверждает авторскую позицию. Остальное же, даже существенное, просто отбрасывается за ненадобностью.

В качестве примера такого подхода можно назвать работу В. В. Бешанова³² и подобные ей книги. Они не являются плодом углубленных исследований, самостоятельных исторических изысканий. Это компиляция из того, что уже было написано в ранее изданных трудах. Но при том факты и выводы подбираются и подаются настолько однобоко и тенденциозно, что неподготовленному читателю трудно понять, что же происходило в действительности. На исторической ниве подвизается не мало так называемых «историков», которые не по образованию, ни

по научному статусу не имеют никакого отношения к исторической науке.

Возникает вопрос: почему же тогда даже такие массовые издания, как газета «Аргументы и факты», обращаются именно к таким авторам, особенно в дни юбилеев исторических событий? Разве нет других, более авторитетных, профессиональных историков или еще здравствующих участников тех или иных боев и сражений?

Примечательно, что иногда приводятся самые невероятные цифры или другие данные, но, как правило, ссылки на источники отсутствуют. При этом расчет делается на неосведомленного читателя. Неоднократно публиковался тезис, что 100 тысячный десант союзников во время Крымской войны победил 1,5 миллионную русскую армию. Причем для Англии, Франции и других армий берутся войска только в Крыму, а для России — на всей ее территории.

А. Н. Яковлев писал: «Мне нечего сказать в защиту тех, по чьей вине в гражданскую войну погибли 20 млн человек»³³, не делается никакой попытки обосновать или объяснить эту цифру. В действительности общие демографические потери России на фронтах и в тылу (в боях, от голода, эпидемий, террора) в годы гражданской войны составили 8 млн человек³⁴. В начале 20-х годов XX в. в Европе только от испанского гриппа умерло 22 млн человек. Но ни в одной стране их не относят к военным потерям.

Особенно много измышлений о нашей истории в зарубежной историографии³⁵. Американский военный историк Д. Глэнтц, не разобравшись в сути операции «Марс» (осень в 1942 г.), написал книгу «Величайшее поражение Маршала Жукова», которую некоторые отечественные его последователи всячески рекламируют³⁶.

Многие факты и события рассматриваются в отрыве от исторической обстановки. После войны появилось различные издания, где утверждается, что нарком военно-морского флота (ВМФ) адмирал Н. Г. Кузнецов «вопреки Сталину» еще задолго до войны привел флот «в полную боевую готовность». Но полная боевая готовность, кроме подъема по боевой тревоге, предполагает укомплектование всех частей до штатов военного времени, т. е. их отмотилизование. У наркома ВМФ своих военкоматов и своего особого Верховного Совета не было. Мобилизацию он провести не мог. Указом президиума Верховного Совета СССР мобилизация была объявлена 23 июня 1941 г.

Распространяется миф, что в отличие от других округов, в Одесском военном округе и войска были своевременно приведены в боевую готовность, авиация рассредоточена, поэтому войска и авиация этого округа не понесли больших потерь. Но противник с территории Румынии перешел в наступление через неделю после начала войны. И в первые дни войны в полосе Одесского военного округа не было таких массированных ударов, как на Западном или Юго-Западном направлениях.

Г. Х. Попов написал книгу «Три войны Сталина», где «третью войну Сталина» он связывает с продолжением войны в 1944–1945 гг. за пределами СССР³⁷. Автор полагает, что с выходом на государственные границы Советскому Союзу надо было остановиться и дальше в войне не участвовать. Военные действия наших войск по освобождению Польши, Венгрии, Чехословакии и других стран и тем более оккупацию части Германии, он считает агрессивными действиями Сталина, положившими начало «холодной войне». Г. Х. Попов прибегает к историческим аналогиям, к ссылкам на 1812 г. Изображая дело таким образом, что М. И. Кутузов не хотел идти в Европу и добивался того, чтобы остановиться на границе и дальше войска не посылать. Но 21 декабря 1812 г. (20 января 1813 г.) Кутузов в приказе по армии поблагодарил войска за изгнание врага из пределов России и призвал их «довершить поражение неприятеля на собственных полях его»³⁸. Исторически считается уже доказанным, что интересы стабилизации обстановки в Европе и национальные интересы России требовали совместных усилий европейских стран по пресечению наполеоновской экспансии. И, конечно, участие русских войск в походе в Европу в 1813–1814 гг. было вполне оправданным.

Для правильных, обоснованных решений по назревающим проблемам нужен анализ сложившейся обстановки и перспективное понимание национальных, в том числе и геополитических интересов государства. Если исходить из этого, могло ли советское правительство в 1944 г. принять решение остановить войска у государственных границ и закончить на этом войну? Это практически было невозможно, если бы даже кто-то и принял бы такое решение.

Во-первых, советское правительство было связано соответствующими международными соглашениями с США, Великобританией, другими государствами о полном разгроме гитлеровской Германии и ее сателлитов, добиваясь безоговорочной капитуляции Германии, ее денацификации и демилитаризации.

Во-вторых, с точки зрения военно-политической, при отказе СССР переходить свои западные границы, союзникам пришлось бы одним воевать против Германии, Италии, Венгрии и других стран гитлеровской коалиции, в том числе и против всех войск, снятых и переброшенных на Запад с советско-германского фронта. Перед завершающей кампанией 1945 г. против советских войск действовало 179 немецких и 16 дивизий ее союзников, а против американско-английских войск 107 — дивизий. Не трудно себе представить, особенно, если вспомнить Арденнские события декабря 1944 г., в какое положение попали бы союзники, если бы против них было переброшено еще 150–200 дивизий с германского Восточного фронта. Никто бы, конечно, в то время не пошел на прекращение военных действий на советско-германском фронте. Но если даже теоретически допустить такую возможность, то это означало бы катастрофу для

союзников или они, наверняка, пошли бы на заключение сепаратного мира с Гитлером. Тогда продолжала бы существовать агрессивная германская империя и исходящая от нее военная угроза для нашей страны.

Госсекретарь США К. Хэлл вынужден был признать: «Только героическое сопротивление Советского Союза спасло союзников от позорного сепаратного мира с Германией. Это сепаратное соглашение открыло бы дверь для следующей 30-летней войны»³⁹.

Пусть здравомыслящий читатель рассудит, как, с учетом всего изложенного, можно было нашим войскам останавливаться у западных границ и отказываться от освобождения других стран, находящихся под фашистской оккупацией, а главное — дать возможность разбитому, но еще сильному противнику отступить вглубь своей территории и снова собраться с силами? Не говоря уже о том, что на оккупированной нацистами территории Европы и в Германии были лагеря наших военнопленных, угнанные в рабство соотечественники, которые ждали своего освобождения.

Даже в Германии не критикуют так резко гитлеровскую армию, потерпевшую сокрушительное поражение, как некоторые историки и публицисты в нашей стране — свою армию-победительницу. Должно же быть хотя бы элементарное уважение к делам и интересам своей страны.

Автор вышедшего несколько лет назад фильма «Последний миф» В. Синельников говорит уже о виновности не только Сталина, Жукова, других высших руководителей страны и армии, но и всего народа, которому непременно надо покаяться перед всем миром. «Для меня, — пишет В. Синельников, — ... нет ничего важнее проблемы покаяния советского народа»⁴⁰. Враги хотели нас уничтожить, поработить, но мы победили захватчиков, спасли всю Европу от угрозы фашистской чумы, а теперь, оказывается, нам надо перед миром каяться! Нет, мы, каяться по этому поводу не будем. Мы воевали не против немецкого или японского народов, а против фашизма и милитаризма.

В свое время поэт и дипломат Ф. И. Тютчев заметил в России явление, которое он назвал «наиболее прискорбной склонностью», выражающейся в стремлении «подходить ко всем вопросам с их самой мелочной и гнусной стороны, потребность проникать в хоромы через задний двор. Это в тысячу раз хуже невежества. Ибо в простой здоровой натуре невежество простодушно и забавно, тогда как эта склонность изобличает и всегда будет изобличать одну лишь злость»⁴¹.

К сожалению, в последние годы на исторической ниве России превалируют именно такая озлобленность и нигилизм по отношению к общественным делам и интересам. Дошло до того, что мы уже вроде «стесняемся» побед своих Вооруженных Сил. Победа осени 1945 г. над Японией даже не обозначена в Федеральном законе «О днях воинской славы России».

Но нельзя отменить того, что произошло. В памяти народа 3 сентября 1945 г. как было, так и останется Днем воинской славы — днем торжества отечественного оружия, нашей полководческой школы.

В истории не раз уже бывало, когда победившие революции во многом невольно копировали свергнутые режимы, повторяли в еще более жестоком виде методы их борьбы с противниками, оппозицией, и, в конечном счете, приходили к тому, против чего боролись. После августовских событий 1991 г., когда непримиримость ужесточилась, многие справедливые выражают озабоченность тем, что продолжение такой линии может привести к новой форме единомыслия, что было бы опасным не только для судеб исторической науки, но и вообще для демократии, для всего общества.

Нередко происходит шельмование инакомыслящих, озлобление и ожесточение против целых групп людей, исходя лишь из их корпоративной принадлежности. Редакции ряда журналов, газет, издательств часто публикуют только соответствующие их взглядам работы, недоброжелательно относятся к другим мнениям. Под напором нового идеологического прессы даже известные историки и писатели ломаются, высказывают суждения, прямо противоположные проповедовавшимся ими ранее. Пересмотр своих взглядов на основе новых фактов и жизненных явлений — дело естественное. Но тогда должны быть подвергнуты научной критике прежние взгляды и основаны новые.

Поощрение конъюнктурности неизбежно ведет к снижению научной требовательности. В научную среду под прикрытием модной политической демагогии проникают посредственности, возводящие ту самую глухую стену, о которую в истории науки разбивались многие новые мысли и открытия. Давно известно, что без сопоставления и борьбы мнений наука не может плодотворно развиваться. Некомпетентные суждения в области военной истории входят в оборот еще и потому, что выступить и развенчать их в печати не всегда дозволяется. Как говорил академик П. Л. Капица, когда в какой-то науке нет противоположных взглядов, нет борьбы, то эта наука идет по пути к кладбищу — на свои похороны.

При всех наших трудностях, и в наши дни выпускаются новые книги, в частности ветеранскими организациями, рассказывающие о Московской, Ленинградской, Сталинградской или Курской битвах. Но обычно в них содержится то, что уже много раз публиковалось 20–30 лет назад. В этих изданиях нет разоблачения измышлений, которые распространяются сегодня об этих битвах. Поэтому эти, сами по себе нужные книги, не в полной мере достигают своей цели.

Историческая истина — это не просто поиск и воспроизведение документов и систематизация известных фактов, тем более что они не всегда адекватно отражают историческую действительность. Для

достижения исторической правды нужно искать недостающие данные, сопоставлять их с известными фактами, неоднократно перепроверять источники для выяснения их достоверности, проникать в их подлинный смысл, глубоко и всесторонне анализировать разноречивые свидетельства. Но такой кропотливой работы часто недостает военно-историческим исследованиям. Поэтому некоторые стереотипы широко распространяются в печати без надлежащей их проверки и сопоставления с фактами.

Мы до сих пор не имеем обобщенных карт, производящих двусторонний ход операций. Когда уже в наши дни начинаешь сличать положение сторон в тех или иных операциях, то во многих случаях на германских и советских картах они существенно отличаются. До сих пор по-разному сообщаются данные о конкретных решениях, военных действиях, их результатах и потерях. Многие карты и схемы стратегической и оперативной обстановки, положения сторон перед началом и в ходе операции, были разработаны у нас уже после войны. С целью соблюдения «секретности» они были основательно выхолощены, и на них остались лишь многочисленные стрелы. Из этих карт и схем нельзя получить представление о группировках наших войск и сил флотов, нумерации объединений и соединений, базировании авиации, тыловых органах, пунктах управления и других данных о положении и состоянии войск. Многие связанные с «секретностью» ограничения давно уже сняты, но подготовленные сразу после войны карты и схемы продолжают кочевать из одного издания в другое.

Даже историки союзных по антигитлеровской коалиции стран — СССР, США, Англии, Франции по-разному описывают одни и те же боевые действия. Немало было допущено необъективности и предвзятости как со стороны советских историков, так и специалистов из западных стран, поскольку история второй мировой войны оказалась одним из полей «холодной войны».

Известно, что для того, чтобы правильно разобраться в исторических событиях, факты и документы следует брать в их взаимосвязи и во всей противоречивой совокупности, соотносить их с конкретной обстановкой рассматриваемого времени, объективно оценивать, к чему в конечном счете эти события привели. Однако и этот важнейший принцип историографии зачастую игнорируется.

В условиях такой однобокости и ангажированности любое слово историков, участников Великой Отечественной войны, пытающихся рассматривать ее события с позиций объективности и здравого смысла, встречается гневными нападками как с той, так и с другой стороны, и крайности как всегда смыкаются. Начинает преобладать обывательский взгляд на историю войны. Такие подходы в идеологической борьбе, может быть, и удобны, но тогда мы никогда не узнаем, что же было на самом деле. А попытки оправдать все происходившее во время войны или,

напротив, опорочить могут привести лишь к тому, что новое поколение просто никому не будет верить.

С тем чтобы преодолеть эти негативные явления, представителям государственной власти и обществу нужно, прежде всего, четко определиться в оценке значения Победы в Великой Отечественной войне. Без этого трудно добиться единства и согласия в обществе.

Всем нашим соотечественникам, независимо от их политических взглядов, необходимо понять: без добротного, прочного исторического фундамента невозможно построить новое достойное общество и сильное демократическое государство.

Когда не так давно в Японии был издан учебник для школ, где делалась попытка обелить японскую агрессию в Юго-Восточной Азии, немедленно последовал протест Китая. В результате в Японии этот учебник был изъят из сферы образования. К сожалению, в России нет подобной реакции ни со стороны как государственных, так и общественных организаций.

Мы в своем историческом соперничестве с фальсификаторами истории значительно уступаем в финансовом отношении. Враждебные нам книги издаются миллионными тиражами. Вместе с тем издать и распространить правдивые, объективные книги о войне, о наших полководцах крайне затруднительно.

Нет должной централизации руководства военно-исторической работой и внутри ведомств. В Министерстве обороны РФ Институт военной истории, органы планирования военно-исторической работы, архивная служба, военно-мемориальный центр подчинены разным должностным лицам. До сих пор не упорядочен доступ историков к архивным документам. Остается нерешенной проблема издания школьных и вузовских учебников, объективно освещающих историю Великой Отечественной войны. В результате все правильные, в частности официальные, оценки истории войны, прозвучав, минули вместе с юбилейными днями, а формируют общественное сознание, влияют на молодежь совсем другие взгляды и оценки — подрывающие наши исторические устои и противоречащие национальным интересам. Все это вызывает обеспокоенность общественности.

Отражением этих настроений явилась статья В. Т. Третьякова «Россия без истории»⁴². Как же так, трудится большой отряд профессионалов, издаются капитальные исторические труды и вдруг — «Россия без истории»?

По-своему правы и историки, и В. Т. Третьяков. Исторических трудов действительно много. Но их мало кто читает. Поэтому историческая наука и значительная часть общества живут порознь. В. Т. Третьяков пишет, что в России сегодня параллельно существует, если так можно сказать, две школы — советская (красная) и белая — традиционно антисоветская. Представители этих двух направлений даже не соприкасаются друг с другом, не сопоставляют свои

взгляды, ограничиваясь заочной критикой. А общераспространенный курс российской истории XX в. создается ныне СМИ, отечественными дилетантами и антироссийски настроенными зарубежными историками. Некоторые историки считают, что не надо обращать внимания и отвечать таким лжеисторикам, как В. Суворов (Резун), и другим. Но ряд телеканалов, газет, журналов чаще всего именно этих людей привлекают на свои экраны и страницы. В значительной мере они формируют общественное сознание. Вы можете написать и хорошие книги, но они большинству читателей, в особенности молодежи, неведомы. В учебнике по литературе для старших классов из всех писателей, писавших о войне, рекомендованы только два: Иосиф Бродский (стихотворение «На смерть Жукова») и Георгий Владимов («Генерал и его армия»)⁴³. В одной из детских энциклопедий выдающимися полководцами второй мировой войны названы Монтгомери, Гудериан и Власов.

Министерство образования лишь имитирует свою деятельность в области преподавания истории. В этом году в Москве вообще отменили вступительные экзамены по истории в вузы, ограничившись формализованным единым госэкзаменом (ЕГЭ) в виде тестов по принципу телевикторин. Так из истории выхолащивается ее содержание. Что будут знать выпускники средних школ, например, о том, «какие изменения произошли в Красной Армии в ходе войны», (об этом написаны сотни томов), если в качестве правильного ответа на этот вопрос ЕГЭ им предлагается такой: «были введены погоны, появились гвардейские части и заградительные отряды»?⁴⁴

По существу свернуто изучение военной истории в военных учебных заведениях.

Что можно и должно сделать?

Во-первых, с учетом высказанных Президентом РФ В. В. Путиным суждений, вынести вопрос об истории Великой Отечественной войны на заседание Оргкомитета «Победа», где принять обращение к общественности, СМИ, историкам о недопустимости и опасности извращения истории Отечества. Активизировать деятельность научных учреждений, историков, ветеранских организаций по предотвращению искажения отечественной истории, особенно истории Великой Отечественной войны. Необходимо давать достойную отповедь тем, кто принижает значение Победы, одержанной во второй мировой войне при решающей роли нашей страны и ее Вооруженных Сил. Важно сплочение историков, писателей, журналистов, ветеранов войны, стоящих на здравых, объективных, а следовательно на патриотических, позициях. Надо отказаться от взаимных упреков по пустякам и сосредоточиться на главном — отстаивании подлинной правды о войне.

Сделать главным содержанием работы Оргкомитета «Победа», государственных, ветеранских и других общественных организаций убедитель-

ное, научно обоснованное отстаивание значения и важности Великой Победы как важнейшего исторического фундамента для утверждения достоинства нашей страны и патриотического воспитания нового поколения. Во-вторых, было бы желательно Указом Президента РФ или постановлением правительства создать комиссию по выработке концепции национальной истории, где должно быть отведено достойное место истории Великой Отечественной войны. Эта концепция, разумеется, не предполагает расставлять все точки над «i», регламентировать понимание всех вопросов. По каким-то проблемам споры идут, и они будут продолжаться. В концепции национальной истории желательно определить лишь основные направления понимания важнейших проблем отечественной историографии. Например, еще раз закрепить научно обоснованное понимание вопроса о зачинщиках и виновниках развязывания второй мировой войны, подлинных причинах наших неудач в 1941 г., факторах, обеспечивающих нашу победу, определить историческую значимость победы в Великой Отечественной войне.

Конечно, по возможности, не следует политизировать и идеологизировать историю. На это обращалось внимание и на XX Международном конгрессе исторических наук в Сиднее (Австралия) в июле 2005 года⁴⁵.

Можно согласиться с предложениями ряда историков и общественных деятелей о том, что современная история России должна опираться на лучшие достижения русской дореволюционной и советской исторической науки. История России должна быть преемственной, рассматриваться в контексте всемирной истории, представлять собой непрерывный процесс, не замалчивая и не приукрашивая ни один из периодов. История нашей Родины должна быть единой. В событиях гражданской войны 1918–1922 гг. или гражданского противостояния 1991–1993 гг. действия противостоящих сил должны освещаться объективно. История России должна рассматриваться как история Государства Российского и одновременно, как русской (российской) государственно-российской многонациональной цивилизации, породившей внутри себя не только Россию, но еще и ряд государств.

Надо признать, что истории стран СНГ за последние годы значительно разошлись, особенно в области военной истории. Но, видимо, постепенно эти расхождения надо преодолевать. В декабре 2005 г. по инициативе академика А. О. Чубарьяна в Институте всеобщей истории РАН было проведено совещание научных учреждений государств СНГ. Принято соответствующее коммюнике, где подчеркивается, что наша общая история — это не только история Российской империи или СССР, но и история входивших в них народов⁴⁶.

Нужно развивать и более широкое международное сотрудничество, в частности со странами «даль-

него» зарубежья. Тем более что сейчас есть и общие угрозы для России, США и других стран, что требует объединения усилий для обеспечения безопасности и стабильности в мире. Но при этом нужно сохранять и достоинство своей страны, в частности и в области истории. К сожалению, на пути этого сотрудничества чинится много препятствий и зарубежные поездки недостаточно стимулируются, от чего мы много теряем.

В-третьих, следует признать, что существующая практика подготовки школьных и вузовских учебников по истории не оправдывает себя. Надо, видимо, как уже неоднократно предлагалось, собрать две-три группы ученых, соответствующим образом стимулировать их труд и поручить им на конкретной основе создать исторические курсы, которые в последующем послужили бы ориентирами для создания других учебников по истории.

В-четвертых, напрашивается необходимость создания фонда, который способствовал бы изданию и распространению как в нашей стране, так и за рубежом правдивой, объективной литературы по истории Великой Отечественной войны. Надо выполнить решение Президента РФ В. В. Путина о подготовке и издании нового многотомника по истории Великой Отечественной войны. При создании Общественной палаты органа по осуществлению общественного контроля за деятельностью радио и телевидения было бы целесообразно иметь в его составе консультантов (экспертов) по истории Великой Отечественной войны.

В-пятых, для дискредитации Победы в Великой Отечественной войне больше всего используются фальсифицированные данные о наших потерях в Великой Отечественной войне. В 1988 г. официальные данные о военных потерях Министерством обороны были представлены в ЦК КПСС и опубликованы в печати. Однако эти сведения о людских потерях носили все же ведомственный, а не общегосударственный характер, они не содержали данных о гражданских потерях. Учитывая это, было бы желательно решением Президента РФ или главы правительства создать государственную комиссию из представителей Федеральной службы государственной статистики, Федерального архивного агентства России (Росархива), Генштаба ВС РФ с привлечением представителей ФСБ, МВД, демографов РАН, авторитетных общественных деятелей для проверки и уточнения всех имеющихся данных о людских потерях за время войны. После окончания работы госкомиссии результаты следовало бы опубликовать на государственном уровне. Тем более что в настоящее время в России и других республиках бывшего СССР завершается работа по составлению книг памяти о погибших, открылись возможности для наиболее полного выявления всех видов потерь. Целесообразно ускорить принятие решения о продлении работы Объединенной редколлегии и редакции «Книги памяти» Российской

Федерации. Все это позволит выявить истинную картину потерь в Великой Отечественной войне и будет способствовать противодействию спекуляциям по этому вопросу.

Выдающийся русский военный мыслитель А. А. Свечин считал, что «каково бы ни было отношение народа к минувшей войне, он должен внимательно относиться к усилиям, упорству, самоотверже-

нию и памяти тех, которые, не считая, усеяли своими скромными могилками нашу западную окраину. Постановка им памятника в виде официальной истории войны неизбежна для всякого правительства, продолжающего нуждаться в вооруженной силе и вновь призывающего народ к жертвам. Воинская доблесть нуждается в культе, и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы»⁴⁷.

- ¹ См. об этом: *Гареев М. А.* Мы мир спасли! — Красная звезда, 6. V. 2006.
- ² Мировые войны XX века, в 4-х кн. М., 2002.
- ³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки, в 4-х кн. М., 1995.
- ⁴ Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне, в 2-х кн. М., 2003.
- ⁵ Очерки истории российской внешней разведки, в 6-и т., М., 1999–2006.
- ⁶ Русский архив. Великая Отечественная, т. 13 (2–1). Приказы Народного комиссара обороны СССР, 1937 — 21 июня 1941 г. М., 1994; т. 13 (2–2). 22 июня 1941–1942 г. М., 1997; т. 13 (2–3). 1943–1945 гг. М., 1997.
- ⁷ Московский комсомолец, 22.VI.2005.
- ⁸ Профиль, 9.V.2005.
- ⁹ *Попов Г. Х.* Три войны Сталина. М., 2005. С. 49–53, 88–91.
- ¹⁰ *Карамзин Н. М.* Соч., т. 2, Л., 1984. С. 49–50.
- ¹¹ См.: *Балакин В. И.* Причины и последствия русско-японской войны 1904–1905 годов. — Новая и новейшая история, 2004, № 6.
- ¹² Цит. по тексту выступления В. Ю. Суркова на сайте: www.edinros.ru/news
- ¹³ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 48–49, М., 1952. С. 124.
- ¹⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, М., 1950. С. 165.
- ¹⁵ См. об этом: *Гареев М. А.* История Великой Отечественной войны нуждается в защите. — Военно-промышленный курьер, 2006, № 23.
- ¹⁶ 1941 год, в 2-х кн., серия «Россия XX век. Документы». М., 1998.
- ¹⁷ *Непомнящий Н. Н.* Военные загадки третьего рейха. М., 2000. С. 280–290.
- ¹⁸ *Коротков Г. И.* Переломные сражения Великой Отечественной войны в оценках зарубежных государственных и военных деятелей. — Новая и новейшая история, 2005, № 2. С. 41–49.
- ¹⁹ Известия, 12.VI.2003.
- ²⁰ *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха. М., 1991, т. 2. С. 242.
- ²¹ Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа, М., 2005.
- ²² Там же. С. 541.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Коммерсант, 6.III.2006.
- ²⁵ См. об этом: *Гареев М. А.* Итоги деятельности Академии военных наук за 2001–2005 годы и основные задачи Академии. — Вестник Академии военных наук, 2006, № 1. С. 10–11.
- ²⁶ *Суворов В.* Беру свои слова обратно. Донецк, 2005.
- ²⁷ *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. Звезды на погонах — звезды на могилах. М., 2004.
- ²⁸ *Бешанов В. В.* Десять сталинских ударов. М., 2005.
- ²⁹ *Соколов Б. В.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. Минск, 2000; *его же.* Георгий Жуков. Триумфы и падения. М., 2004.
- ³⁰ *Грейг О., Грейг О.* Походно-полевые жены. М., 2005.
- ³¹ *Красильников Б. Н.* Разгром Советского Союза. М., 2005.
- ³² *Бешанов В. В.* Указ. соч.
- ³³ Коммерсант власть, 15.IX.2005.
- ³⁴ Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. М., 2001. С. 111, 129.
- ³⁵ См., например, *Хофман И.* Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы. М., 2006.
- ³⁶ См. об этом: *Гареев М. А.* Операция «Марс» и современные «марсиане». — Военно-исторический журнал, 2003, № 10. С. 17–21.
- ³⁷ *Попов Г. Х.* Указ. соч., С. 95–104, 142–163.

³⁸ Российский государственный военно-исторический архив, ф. 9190, оп. 1636, св. 25, д. 14, л. 351–351об; См. также: «Исторические записки о жизни и воинских подвигах генерал-фельдмаршала Светлейшего Князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского». СПб, 1813. С. 272–274.

³⁹ Цит. по: Российская Федерация сегодня, 2005, №9. С. 34.

⁴⁰ Версия, 2000, №37.

⁴¹ Тютчев Ф. И. Соч. М., 1980, т. 2. С. 74.

⁴² Российская газета, 12. V. 2005.

⁴³ Современная русская литература (1990 — XXI в). СПб, 2005.

⁴⁴ Пономарев М. В., Хартулари Г. С. Единый государственный экзамен 2006. История России. Тематические тренировочные задания. М., 2006, с 98.

⁴⁵ Бибиков М. В., Тишков В. А., Волков В. К. XX Международный конгресс исторических наук. — Новая и новейшая история, 2006, №1.

⁴⁶ Форум историков стран СНГ. — Новая и новейшая история, 2006, №3. С. 6–7.

⁴⁷ Свечин А. А. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919, вып. 1. С. 6.